

Архитекторы, бандиты и рыцари

текст
Константин Лидин

фото
**Люциан Антипин
Александр
Колесников**

1. Полубота А. Дача с видом на Байкал. Труд, № 076, 29.04.2005.

2. Волков О. Ломать – не строить. Время новостей, № 164, 07 сентября 2005.

3. Степаненко В. Удары по первозданности.

<http://www.vsp.ru/index.php?vsp=24825&article=173-4-7&PHPSESSID=05>

4. Сухаревская Л. Во что обходятся ошибки архитектора. Интервью с председателем правления Иркутской организации Союза архитекторов России, лауреатом Государственной премии Еленой Григорьевой. Байкальские вести. http://www.politirkutsk.ru/index.php?subaction=showfull&id=1119929225&archive=1120565223&start_from=&ucat=1&do=archives

5. Бережных В. Итоги стихийного инвестирования туризма. http://www.ratanews.ru/news/news_13082004_8.stm

6. Ксенофонтов Г. В. Элейада. М.: Наука, 1977. С. 101.

7. Богораз А. Г. Материалы по изучению чукотского языка и фольклора. Спб.: Академия, 1900.

8. Эргис Г. У. Исторические предания и рассказы якутов. Якутск: Изд-во ЯГУ, 1960. Т. 1. С. 32.

Архитектурно-дизайнерская стилистика современной застройки берегов Байкала вызывает разнообразные эмоции. Заказчики и застройщики нередко демонстрируют гордость и радость за свои произведения, туристы (особенно иностранные) – удивление и заинтересованность. Однако жители Иркутска и прочих прибайкальских поселений в основном ощущают тревогу и недоумение.

Несколько цитат.

«К загрязнению уникального озера добавилась новая беда – застройка берегов коттеджами».¹

«Главным врагом природы в России, похоже, окончательно признан дачник. Во всяком случае, именно такой вывод можно сделать из вчерашнего выступления неутомимого борца с прибрежными коттеджами, заместителя главы «Росприроднадзора» Олега Митволя... «Ущерб, наносимый Байкалу хозяйственно-бытовыми отходами, уже давно превосходит ущерб, наносимый целлюлозно-бумажным комбинатом», – доказывал вчера Олег Митволь».²

«Уже почти не осталось места, где нет пластиковых бутылок и прочей одноразовой посуды. Со стеклянными бутылками Байкал справлялся, успешно перемалывая их прибором в исходное состояние, но против пластика он бессилён. Массовая застройка берега, в первую очередь турбазами, приводит к еще более серьезным последствиям – изменяется в худшую сторону растительный мир. А у нас все на авось – сначала делаем, а потом посмотрим, что получится».³

«Беда в том, что воплощаются проекты, которых даже архитектурная общественность не видит. В том числе и на берегу Байкала. К одному из таких объектов, уже наполовину построенному зданию, мы возили Сергея Киселева, и он, как и другие московские коллеги, согласился – это натуральный кич. И вообще почти все, что построено за недавнее время в Листвянке, – это стихия и кич... То, что происходит здесь в сфере архитектуры и градостроительства, абсолютно недопустимо».⁴

«Капитальное строительство на Байкале в нынешнем его варианте визуально загрязняет побережье, внося в пейзаж и ландшафты чуждые элементы (например коттеджи в псевдорусском стиле, вагончики-бытовки). Этих турбаз и кемпингов становится все больше, местами они «срастаются», образуя зоны сплошной застройки (Посольский Сор), где не остается не только естественной природной среды, но и даже проходов между «турбазами».⁵

И – напоследок – еще одна весьма характерная цитата: «Продается участок на берегу Байкала под туристические цели. 130 км от Иркутска, Ольхонский р-н. Живописное курортное место, развитая дорожная инфраструктура. Аренда на 49 лет. 7 га – пляж + 1 га под застройку. Цена 280 000 евро, форма продажи любая. Алла, 8 901 712 2394. <http://industr4sale.narod.ru>».

Упомянутая в объявлении цена многое объясняет. Десять миллионов за один гектар под застройку (примерно тысяча рублей за квадратный метр) – всего в несколько раз меньше, чем цены на готовое жилье в большинстве прибайкальских городов.

Музыку заказывает тот, кто платит. Кто же способен платить такие суммы за кусочек байкальского берега?

Вряд ли можно сомневаться, что большие деньги в современной России так или иначе обязательно связаны с организованным криминалом – он же «силовой бизнес», он же «мафия». Примем за исходный тезис: в нынешнюю эпоху первичного накопления капитала застройка берегов Байкала ведется в основном по заказу структур силового бизнеса и отдельных мафиози.

Подобная ситуация для Иркутска и Сибири вообще – совсем не новость. История нашего края изобилует фигурами, которые сегодня мы без колебаний причислили бы к силовому бизнесу или – попросту – к бандитам. Обратимся к времени присоединения Сибири к Российской империи в XVI, XVII веках.

В фольклоре сибирских аборигенов русские, как правило, фигурируют в качестве исключительно опасных и жестоких пришельцев. В одном якутском предании из цикла об Элейе богатырь, смертельно раненный соплеменниками, говорит им: «Скоро вы очень пожалеете о моей смерти, когда придут люди с глубоко сидящими глазами и выдающимися носами».⁶ Жуткое впечатление, которое казаки производили на местных жителей, отразилось в их описаниях. Наиболее реалистичную картину рисуют чукотские предания, но и тут русские выглядят устрашающе: «...одежда вся железная, усы – как у моржей, глаза круглые, железные копыта длиной по локтю, и ведут себя драчливо – вызывают на бой».⁷

Поражает и устрашает необычайный вид пришельцев, их бешеная храбрость и непредсказуемость. Именно эта загадочность русских, неясность их целей и заставляли туземцев целыми родами в страхе бежать от чужаков. Однако наибольший ужас на местное население наводила немотивированная жестокость русских. В преданиях якутов встречается такой мотив, достойный американского Дикого Запада: придя в новую землю, русские разбрасывают бисер, железо, сладости. Когда туземцы подходят поближе к «дарам», по ним дают из засады залп, а оставшихся в живых забирают в плен.⁸

Видимо, основой для данного сюжета послужили факты первых контактов местного населения с русскими, когда в случае неудачной торговли служилые и промышленные люди частенько пускали в ход оружие.⁹

Заметим, впрочем, что сибирские аборигены и сами не отличались политкорректностью. Например, в фольклоре чукчей слово «человек» используется применительно только к чукче или к русскому. Ко всем прочим народам чукчи относились крайне высокомерно и презрительно и лишь русских признавали достойными соперниками и вообще людьми.¹⁰

Дикий XVI век со временем сменился просвещенным XIX, но бандитские манеры не исчезли. Разве что на смену казаку пришел купец. Положение Сибири, среднее между имперской окраиной и колонией, «разрыхляло» законы, делало их

как бы необязательными. И большинство сибирских купцов не чуждались связей с такими видами бизнеса, которые сегодня называются «теневыми».

Легенды приписывают криминальное происхождение капиталов томских купцов Кухтериных, Митрофановых, Стахеевых, каинских Шкроевых и других. «На Обрубке Тихонов жил, купец, имел конфетную фабрику. Старики говорили: он на тракт с кистенем выходил, грабил, вот и завел богатство».¹¹ Некоторые архивные дела также подтверждают противозаконный характер происхождения капиталов. Так, бывший московский мещанин И. Федулов стал барнаульским купцом, подделав завещание старой купчихи П. Щеголевой, у которой он служил управляющим. По явно поддельному завещанию все имущество было передано не родственникам, которых у купчихи было довольно много, а молодому управляющему и его подельнику, некоему Огурову.¹²

Сибирский купец бестрепетно обманывал, а иногда и прямо грабил местных жителей (инородцев). Исследователь Тобольского Севера Дунин-Горкавич сообщал: «Главная торговля между инородцами и русскими проводится ночью во дворах последних с наглухо закрытыми воротами, и при этом – торг, которому предшествует угощение; инородцев обвешивают и обсчитывают».¹³ Меха и ценные сорта рыбы выменивались на дешевые стекляшки, поделки из плохого железа и так далее – при диких и несправедливых «расценках». Впрочем, неэквивалентный обмен, например, хлеба на мануфактуру и прочие промышленные изделия был обычным делом и в торговле с русскими крестьянами.¹⁴

В алчности и свирепости с купцом успешно соперничал сибирский чиновник.

В 1806 году царь Николай I назначил генерал-губернатором Восточной Сибири И.Б. Пестеля. Новый правитель Восточной окраины побывал в Иркутске только один раз. Как пишет его современник Э.И. Стогов: «13 лет был генерал-губернатором Пестель, был ли он в Иркутске – не знаю. Рассказывали, по какому случаю был послан Сперанский. Государь обедал у известного тогда остряка Нарышкина; государь обратил к Нарышкину: «Граф (он всегда называл графом), временем я чувствую необходимость в очках, но не решаюсь». Нарышкин отвечал: «Я знаю удивительные очки!» – «У кого?» – Нарышкин встал и, указывая рукою через стол, сказал: «В-о-н у Пестеля: он 13 лет живет здесь и видит все в Сибири!»».¹⁵ Фактически краем правил назначенец Пестеля, молодой чиновник (до того служивший по почтовому ведомству) – Николай Иванович Трескин.

Н.И. Трескин приобрел скандальную известность, например, тем, что для выпрямления иркутских улиц посылал команды солдат отпиливать торчащие углы деревянных зданий. Жаловаться на него было невозможно, так как письма перехватывались на почте. Что касается взяток, то, по свидетельству современников, «Трескин и все его любимцы брали отлично. Трескин сам не брал, у него все жена: сядет играть в бостон – ей и проигрывают, сколько нужно».¹⁶

Несмотря ни на что иркутяне видели в Трескине «редкого отличного администратора», который «действовал деятельно, энергично». «Правда, – как заметил Н.П. Булатов, – манеры у него были слишком некрасивы; но что делать? Деспотический образ действий был в тогдашних нравах».¹⁷

Времена менялись, а нравы оставались прежними. Одна из ярчайших фигур в истории региона – Н.Н. Муравьев, генерал-губернатор Восточной Сибири в 1847-1861 годах. Как и Трескин, он был назначен на этот немалый пост в очень молодом возрасте (в 1847 году ему было 38 лет).

По словам писателя И.А. Гончарова, посетившего восточную окраину в «муравьевский» период, генерал-губернатор «не пренебрегал никакими путями для достижения своей цели и потому, естественно, старался сокрушить и уничтожить

все, что противилось или казалось ему, что противится достижению этой цели. Он был в одно время и либерал, и деспот, и добрейшее, и мстительнейшее в мире существо».

Гнев нового генерал-губернатора простирался не только на мелких чиновников, но и на «начальствующих лиц», на которых Муравьев кричал, не давая им «сказать ни слова в свое оправдание, и при всякой попытке к этому топал ногами и кричал: «Молчать, молчать»».¹⁸

Муравьев «в минуты гнева был страшен». В бешенстве он доходил иногда до таких распоряжений, которые, будь они исполнены, могли иметь для него очень неприятные последствия. В Иркутске рассказывали о таком случае. В одной из городских лавок совершили кражу со взломом, и виновными оказались солдаты местного батальона. Муравьев приказал привести к нему солдат и вызвать их ротного командира и его дядю, заслуженного полковника Генерального штаба. Когда солдаты признали перед генерал-губернатором свою вину, он приказал «вырыть могилы и закопать в них воров живыми, а ротного командира отправить на гауптвахту за дурной пример и сделал дяде выговор за то, что он не учит своего племянника, как следует держать солдат в порядке» <...>. Уже «через четверть часа Муравьев отменил приказ и благодарил батальонного командира за то, что он его не исполнил».¹⁹

Заметим, что чиновнические лихоимство и произвол процветали и при Муравьеве. Буйные выходки губернатора лишь держали чиновников в страхе и заставляли их быть осторожнее. Однако стяжательский их нрав даже губернатор не мог усмирить.

Никак не претендуя на полноту исторического обзора, сделаем, тем не менее, вывод. Свирепые нравы сибирского купечества и чиновничества, двух вечно соперничающих классов, всегда формировали особый – силовой, бандитский – элемент в региональной культуре. Гневливость и жесткость, доходящая до жестокости, традиционно присутствуют в характере «командующих парадом» в нашем регионе. И периоды наибольшего процветания в Сибири наступали, когда хищничество купеческого сословия умиралось и уравновешивалось не менее хищным чиновничеством. На протяжении всей истории региона сибирский архитектор встречал заказчика, не чуждого бандитской, мафиозной эстетике.

Российский мафиози в качестве заказчика архитектурно-дизайнерского проекта имеет целый ряд характерных особенностей. Во-первых, обычный средний бизнесмен по-детски убежден, что работа архитектора (дизайнера) – очень интересная и волнующая штука. Она, эта работа, доставляет массу удовольствия и состоит сплошь из творческих побед и озарений. Кстати, еще древние греки полагали творчество разновидностью эроса – так что мафиозный заказчик обязательно желает принять участие в таком приятном деле. Вместо того чтобы внятно выразить свои пожелания и предоставить их исполнение профессионалу, заказчик изо всех сил стремится быть соучастником и соавтором проекта. В лучшем случае он преследует архитектора советами и бесконечными «ценными указаниями». Наиболее тяжелый вариант заключается в том, что готовый, принятый и даже оплаченный проект кардинально переделывается заказчиком в процессе реализации, и автор даже не ставится об этом в известность. Заканчивается стройка, и архитектор, потеряв дар речи, видит монстра, который вырос из его проекта в результате «редактирования».

Во-вторых, для любого нормального мафиози очень важно непрерывно демонстрировать свою агрессивность, готовность к схватке, драке и даже смерти. Культ физической силы и зорения к опасности – один из фундаментальных принципов корпоративной культуры мафиозного типа.²⁰ Манера непрерывно задирается и объяснять, «кто тут главный», придает общению архитектора с заказчиком особый колорит.

9. Кузьминых В.И. Образ русского казака в фольклоре народов Северо-Восточной Сибири // Урало-Сибирское казачество в панораме веков. Томск: Изд-во ТГУ, 1994. С. 32-39.

10. Богораз В.Г. Чукчи. М.-Л.: Госиздат, 1934. Т.1. С. 160.

11. Мисюров А. Легенды Горной Колывани. Барнаул, 1989. С. 137 (Обруб – район г.Томска).

12. ГАТО. Ф. 3. Оп. 13. Д. 299.

13. Дунин-Горкавич А.А. Тобольский Север. Общий обзор страны, ее естественных богатств и промышленной деятельности населения. СПб., 1904. С. 266.

14. Скубневский В.А., Гончаров Ю.М. Купечество Сибири второй половины XIX века. Сибирская заимка, 2004, № 1.

15. Стогов Э.И. Записки жандармского штаб-офицера эпохи Николая I. М.: Индрик, 2003. С.128.

16. Вагин В. Исторические сведения о деятельности графа Сперанского в Сибири с 1819 по 1822 гг. СПб., 1872. Т.1. Приложение; Рассказ почтового гражданина г. Иркутска Герасимова П.М. С. 582.

17. Дамешек И.Л. Сибирь в системе имперского регионализма (компаративное исследование окраинной политики России в первой половине XIX в.). Иркутск: Изд-во «Оттиск». С. 202-208.

18. Гончаров И.А. По Восточной Сибири // Русское обозрение, 1891, № 1. С. 5-29.

19. Заборинский И.А. Граф Николай Николаевич Муравьев-Амурский в 1848-1856 гг. // Русская старина, 1883, № 6. С. 623-658.

20. Hess, Henner. Mafia and Mafiosi: The Structure of Power. Lexington, Mass.: Lexington Books, 1973.

21. Веблен Т. Теория праздного класса. М.: Прогресс, 1984.
22. Волков В.В. Неформальная силовая структура. Европейский университет в Санкт-Петербурге. <http://ecsoc.msses.ru/pdf/Volkov11.doc>
23. Люшер А. Французское общество времен Филиппа Августа. СПб., Евразия, 1999. – 459 с.
24. Пастуро М. Повседневная жизнь Франции и Англии во времена рыцарей круглого стола. Пер. с фр. М.О.Гончар; Науч. ред., коммент. и послесл. Т.Д.Сергеевой. М.: Молодая гвардия, 2001. – 239 с.

В-третьих, важной особенностью традиционной мафиозной культуры является запрет на всякого рода производительный труд. Это отношение представляет собой вариацию известного этоса «праздного класса», блестяще описанного Торстейном Вебленом в его классической работе.²¹ Этика членов праздного класса, который Веблен также называет «воинственным», или «хищным» классом (predatory class), запрещает им работать или заниматься каким-либо производительным трудом, а позволяет лишь воевать, заниматься государственным управлением и спортом.²² С точки зрения предаторной культуры, люди бывают только двух типов. Одни – воины, бойцы, бандиты – вызывают «честные» эмоции гнева и ярости как соперники или соратники на поле битвы. Вторые – «лохи», быдло, рабочие скотинки – не достойны ничего, кроме презрения. Мнение большинства жителей города по поводу построенного здания не важно. Имеет значение только то, что скажут (или подумают) «уважаемые» люди – такие же мафиозные «реальные деловые».

Влияние хищной эстетики воинственного класса особенно заметно в тех архитектурных фрагментах, где косметический наружный слой здания разрушен. Свирепый климат быстро сдирает «кожу» фасада – в прибайкальском температурно-влажностном режиме никакая краска не держится дольше двух-трех лет. Трескается и шелушится штукатурка, микросейсмика разрушает лепнину, и так далее. Из-под слоя строительной косметики проступает собственно архитектурный образ – соотношение объемов и масс.

Традиционная застройка берегов Байкала содержит внятный образ крепости, суровый и воинственный имидж. Основной объем строения очень плотный, компактный, монолитный – он похож на сжатый кулак. Массивное и угловатое, с невысокой проемностью здание – окна, как бойницы, толстые стены, входные группы замкнуты и визуально перекрыты. Даже в тех случаях, когда фасад изукрашен колоннадой, лепниной, скульптурой – и тогда общее впечатление монолитной простоты основных объемов сохраняется неизменным. Базовые геометрические формы – призма, цилиндр, куб – формируют впечатление устойчивости и неподвижности. «Перстни, кольца и кружевные манжеты» не снимают впечатления крепкого мозолистого кулака.

Среди исторических аналогов стилистики хищного класса особенно близко располагается романская архитектура раннего Средневековья. Достаточно пройти по дворам центральной части Иркутска, где строительная косметика не маскирует стилистическое ядро образа, – и родовое сходство становится очевидным. Сравним, например, здание Дома детского творчества (Дом Трапезниковых на улице Желябова) и романский кафедральный собор в Чефалу (Сицилия). Собор в Чефалу был построен в 1131 году норманнским королем Роджером II. Иркутское здание возведено в начале XX века на-

следниками купца первой гильдии и городского головы К.П. Трапезникова. Эклектичная смесь византийских, исламских и норманнских мотивов XI–XII веков получила собственное название «сицилийского романского стиля». Дом Трапезниковых строился в подражание модному тогда «библинскому» стилю а-ля рюс. Однако при всех различиях из-под декоративных наслоений отчетливо проступают черты общего – острожного, крепостного, тяжеловесного и приземистого.

Еще большее сходство (за счет византийских мотивов декора) можно увидеть, сравнивая Дом Трапезниковых с романским собором Санта Мария ла Нуово XII века. Сходство не случайное. Рыцарь раннего Средневековья, вопреки романтизированным представлениям в духе Вальтера Скотта, представлял собой такого же хищника, как сибирский купец начала XIX века и как сегодняшний «конкретный деловой».

«Если рассматривать феодальный мир, исключив его верхушку, то привычки и нравы благородного сословия на протяжении XII века в целом оставались неизменными. Почти повсюду владелец замка был грубым и хищным солдафоном – он воюет, сражается на турнирах, проводит мирное время в охоте, разоряет себя мотовством, душит поборами крестьян, грабит соседние замки и разоряет церковные владения».²³

«Феодальный мир продолжал жить грабежом; он разбойничал, обирал купцов и путников, взимал с крестьян и горожан фьефа незаконные поборы и чрезвычайные пошлины – и подобные вещи происходили повсюду. К разбою вооруженному он добавил себичанье арендаторов и зависимых крестьян, воровство сеньориальных служащих».²⁴ Не правда ли, знакомая картина?

Столетия, прошедшие со времен царствования норманнских королей, облагородили их облик в глазах потомков. Прославленный и почти сказочный образ рыцаря усилиями многочисленных поэтов – от сочинителей XV века до Толкиена – очистился от мафиозных черт. Неуклюжие и тяжеловесные строения романского стиля воспринимаются сегодня как величественные памятники легендарной эпохи.

Тут возникает закономерный вопрос: а почему же сегодняшние строения в стиле «сжатого кулака» вызывают совсем другие эмоции? Откуда берется настолько внятное ощущение фальши, коробящей безвкусицы и наглого кича, которого и в помине нет у древних соборов-крепостей?

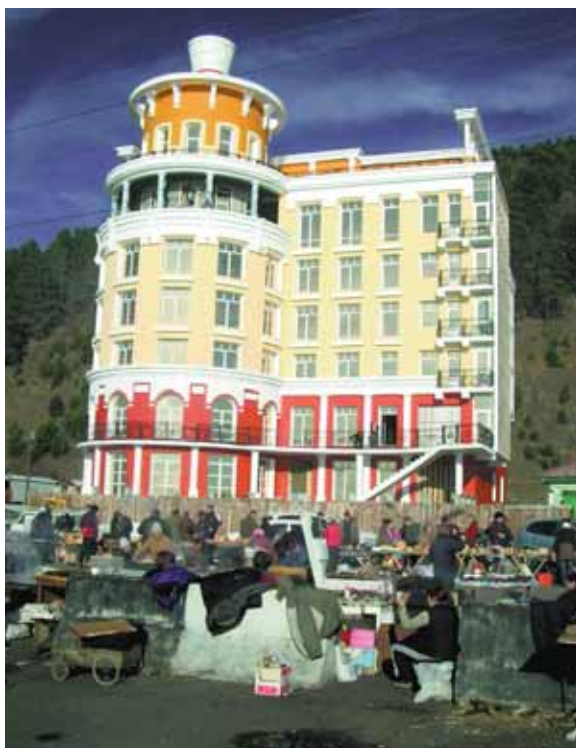
Мне кажется, дело в том, что норманнские замки не пытаются никого обмануть. Они – жилища свирепых, драчливых, малограмотных и простодушных людей – в полной мере соответствуют своим обитателям. Ясный силуэт и brutальные формы, толстые стены и узкие окна-бойницы и даже романская травя на квадратном основании – все это откровенно выражает несложные вкусы «хищного класса».

1. Дом Трапезниковых (главный вход с улицы Желябова)
2. Дом Трапезниковых (вид со двора)
3. Собор в Чефалу. Главный вход
4. Кафедральный собор в Чефалу (Сицилия). Апсида. Построен в 1131 году под патронатом норманнского короля Роджера II
5. Кафедральный собор Санта Мария ла Нуово, Сицилия. Строительство начато при норманнском короле Вильяме II в 1174 г.
6. Кафедральный собор в Пизе. Строительство начато в 1063 году
7. Башня св. Бенедикта – старейшее здание в Кембридже. Начало XI века
8. Церковь Сен-Мартен, Севовия, Испания. Начало XII века

Иллюстрации: фотографии иркутских зданий – Т. Пахомова

Фотографии памятников архитектуры романского стиля – Mary Ann Sullivan (<http://www.bluffton.edu/~sullivanm/>)

Иное дело современная застройка берегов Байкала. Сегодняшний заказчик «архитектуры в стиле «Радио Шансон» изо всех сил отрешивается от своего воинственного класса. Он хочет выглядеть просвещенным и утонченным, ему необходимо изобразить изощренный вкус и глубокое понимание нюансов. Он пытается спрятать агрессивные рефлексии под сладкой корочкой строительной косметики. Первобытная простота базовых объемов здания обрастает колоннадами и

пилястрами, декоративной кладкой, зеркальным остеклением, ажурными металлоконструкциями. Наконец, здание раскрашивается в нежные тона заварного крема и подсвечивается неонами. В итоге получается настолько дикое сочетание, как будто профессиональный боксер – с раздавленным носом, с тяжелой челюстью – нарумянил себе щеки и приклеил ресницы от Л'Ореаль. И надел шелковый халатик с кружевами.

Тенденции к строительству нелепых и безобразных зданий на байкальских берегах вряд ли удастся легко и быстро прекратить. Они, эти тенденции, имеют глубокие корни. В извращенной и перекошенной форме – но они все же опираются на вековые традиции сибирской культуры. Поэтому нет смысла бороться, запрещать, выражать гнев и презрение к некультурному самодурствующему заказчику. Так же, как нет ничего хорошего в том, чтобы занимать позицию «чего изволите?» и послушно следовать всем капризам предаторного класса.

Конечно, в конце концов время все расставит по местам. Облетит розовая краска, потрескается лепнина и облетят декоративные рюшечки. Суровый образ бандита-рыцаря возьмет свое. Однако – чтобы не дожидаться, пока минут десятилетия и века, – можно было бы уже сейчас пойти навстречу этому образу. Спокойнее и осознаннее опираться на него в повседневной работе архитектора и дизайнера. Строить крепости, если они востребованы, не пытаться маскироваться розовыми кружевами. Принять и поверить, что норманнский и романский стиль в качестве стилистической базы ничем не хуже хай-тека и деконструктивизма.

И, может быть, тогда архитектура на байкальских берегах станет тем, что потомки сохранят и будут разглядывать с романтическим восторгом через девятьсот лет.

